

Киев, правда, 1984, 4 с.в.

МЕЛОДИИ МОЕГО СЕРДЦА

Читаю в одной из концертных программ II Международного музыкального фестиваля в Москве: Питер Скалторп, Австралия, Струнный квартет № 6. Посвящен памяти друзей.

Читаю в буклете фестиваля: Питер Скалторп, 1929 г. рождения, родился на Тасмании, закончил музыковедческое отделение в Мельбурнском университете, изучал композицию в Уодемском колледже в Оксфорде, совершенствовался в Йельском университете в США. Сейчас преподает композицию в Сиднейском университете. Далее — перечень его сочинений, получивших мировое признание.

Слушаю музыку. Вот они — первые звуки, скорбные, трагичные, откровенные и мужественные в своей трагичной откровенности. О чем они? О невосполнимых потерях. О непоправимой разлуке с близкими, на которую обречено человеческое сердце. О нежности к жизни, дарящей нам глубокие привязанности. О страдании, побеждаемом только состраданием. О ценности человеческой жизни. Звуки говорили обо всем об этом и еще о чем-то, о чем может сказать только музыка...

Далекая Австралия становится ближе, незнакомый человек, смотрящий в небо с незнакомыми звездами, близким и понятным.

— Довольны ли Вы сегодняшним исполнением?

— Я написал этот квартет в 1965 году, он исполнялся в разных странах, но это — лучшее исполнение.

— Это Ваш первый приезд к нам?

— Да. Итог моим впечатлениям подводить еще рано, они должны отстояться, но я рад возможности встретиться с музыкантами, с которыми я давно мечтал встретиться, и я уже успел влюбиться в Москву, в весь облик этого города, а впереди у меня еще и Ленинград...

— Что бы Вы могли сказать о влиянии на Ваше творчество русских композиторов?

— Музыка Чайковского всегда была одной из моих самых любимых. Даже в 60-е годы, когда сериальная и аван-

гардистская музыка стала очень влиятельна, я любил Чайковского за его мелодизм. Он — гениальный мелодист, и для меня мелодия — это то, ради чего существует музыка. Балакирев... Глазунов... Я настаиваю в этих своих привязанностях.

— Как Вы стали композитором?

— В 9 лет мама взяла меня на концерт Прокофьева, и, слушая его, я захотел сочинять музыку. Вот и судите, что такое русская музыка в моей жизни!

— Как Вы себе представляете развитие австралийской музыки?

— Мы очень молодая страна. Я скажу так: мы в первую очередь думаем о звуке. Речь у нас растянута по гласным. Так, звук «эй» становится у нас долгим «ай», мне кажется, в этом произношении есть что-то от наших просторов. У нас и музыка такая — в ней говорит этот наш простор. Конечно, и у нас есть разные музыкальные течения, которые я стараюсь объединить в своем творчестве, потому что австралийцы все еще страдают комплексом неполноценности, многие все еще творят с оглядкой на Европу, и многие говорят: мы должны создавать интернациональную музыку. И я спрашиваю: что такое интернациональная музыка? Скажем, написать «Пеллеаса и Мелизанду» мог только француз! И мне кажется, что в нашей музыке мы должны найти австралийское своеобразие.

— Что Вы думаете о роли музыки в современном мире? О роли композитора?

— Западная музыка зачастую очень далека от людей, не отвечает на вопросы, которые волнуют всех. Но сейчас и западные композиторы уже пишут по-другому, так называемый «новый романтизм»... Мне кажется, что при современных средствах коммуникации, при возможностях, которые дают радио и телевидение, композитор должен во что бы то ни стало стремиться найти путь к людям.

С. ВИШНЕВСКАЯ.